

ЛЮДВИГ ВИТГЕНШТЕЙН О ЛОГИКЕ ЦВЕТОВЫХ ПОНЯТИЙ

В. А. Суровцев

Томский государственный педагогический университет,
Томский государственный университет, Россия
surovtsev1964@mail.ru

К. А. Родин

Институт философии и права СО РАН, Россия
rodin.kir@gmail.com

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ (проект № 18-011-00582)
и в рамках выполнения темы № 35.5601.2017/БЧ Госзадания

В статье предложен подход к пониманию поздних заметок Людвига Витгенштейна, касающихся восприятия цвета. В качестве основного контекста исследования логики понятий о цвете указывается на общее для работ позднего Витгенштейна различие внутренних и внешних отношений. Интерпретация основывается на зависимости между языковыми играми и особенностями восприятия цветов, отношении между цветовыми понятиями и суждениями о цвете различных вещей, опознании цвета как тождественного (проблема тождества цвета) и связи между логикой цветовых понятий и повседневным языком. Заметки Л. Витгенштейна о цвете структурируются в соответствии с данным контекстом. Особое внимание уделяется различным вариантам дальтонизма (от нарушения восприятия цвета до релятивизации цветовой логики в рамках языковых игр). Рассмотрена проблема значения относительно употребления цветовых понятий.

Ключевые слова: цвет, цветовые понятия, тождественность, логика цвета, языковые игры, внутренние и внешние отношения.

LUDWIG WITTGENSTEIN ON COLOR CONCEPTS AND THEIR LOGIC

Valery Surovtsev

Tomsk State Pedagogical University,
Tomsk State University, Russia
surovtsev1964@mail.ru

Kirill Rodin

Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, Russia
rodin.kir@gmail.com

The paper suggests some keys to understanding Ludwig Wittgenstein's late notes on colors. The authors point here at the crucial difference between the internal and external relations. This distinction is comparatively common for the later Wittgenstein and appears one of the main contexts in Wittgenstein's investigations of colors as research of kinds of logical differences. The authors also consider Wittgenstein's scattered notes in accordance with the following main contexts: language games and their dependence on perception, the relationship between color concepts and empirical judgments about the color of everyday objects, identity, interdependence between colors as a kind of a logical system and everyday language games. The paper also focuses on various exceptions from our color system (from the cases of color blindness to the natural relativization of color logic within a variety of language games). Finally, the authors consider the problem of meaning in connection with the study of color concepts.

Keywords: color, color concepts, identity, logic of colors, language games, internal and external relations.

DOI 10.23951/2312-7899-2018-4-222-234

Анализ использования цветовых понятий (в связи с различными аспектами восприятия цвета и реальной языковой практики в рамках различных языковых игр) занимает Л. Витгенштейна практически во всех работах. Отдельные замечания о цвете на уровне отступлений или иллюстраций включены в «Голубую и коричневую книги» [Витгенштейн 2008]. В «Философских исследованиях» в контексте возможности индивидуального внутреннего опыта разбирается «видение красного» [Витгенштейн 1994 (§ 380 и далее)]. Однако самые интересные заметки Витгенштейн относятся к проблеме восприятия цвета и «логике» цветовых понятий в «Заметках о цвете»

[Wittgenstein 1997]. Заметки трудны для понимания ввиду известного стиля автора и не приведены к некоторому итоговому варианту¹. Сам Витгенштейн, судя по опубликованному Г. Энском тексту, пытался их редактировать, поскольку приведены две версии текста, один из которых частично повторяет другой, но ни один из них не является окончательным.

Нужно сказать, что тексту Витгенштейна «Заметки о цвете» в аналитических работах витгенштейноведов уделяется немного внимания. И это выглядит странным, уже хотя бы потому, что они представляют собой его последние записи, и они были одним из первых текстов, опубликованных после его смерти. Представляется, что в них выражена развитая форма предлагаемого им способа философского анализа. Тем более этот анализ применяется к классической философской проблеме восприятия.

В классической европейской философии, начиная с английского эмпиризма, исследование цветовосприятия в основном связано с проблемой разведения первичных и вторичных качеств. При этом в рамках решений данной проблемы условно можно выделить два основных направления исследований. Во-первых, это – исследование физической природы света и влияние этой природы на особенности цветового восприятия. Классическим здесь можно считать трактат И. Ньютона «Оптика» [Ньютон 1954]. Во-вторых, исследование особенностей зрительного восприятия цвета вне зависимости от его природы. Образцом такого исследования может служить учение о цвете И. Гётте (см.: [Месяц 2012]). Соотношения подобного рода физики цвета и психологии цвета формируют основу философских исследований цвета, в частности, в аспекте соотношения первичных и вторичных качеств [Finlay 2007]. Однако в «Заметках о цвете» Витгенштейна мы не найдём ни физики, ни психологии цвета. Его подход, скорее, следует противопоставить и тому и другому [Бибихин 2005, 461–513]. Более того, нигде у Витгенштейна мы не найдём и проблемы соотношения первичных и вторичных качеств, что резко контрастирует с традицией.

В силу фрагментарности «Заметок о цвете» и в отсутствии обращения к традиции весьма сложно реконструировать общий замысел Витгенштейна. В тексте нет ни общей формулировки проблемы, ни развёрнутой демонстрации. По сути, в этих заметках, как и в других текстах, последовательное изложение предмета не со-

¹ Стиль Витгенштейна крайне необычен уже в силу того, что его записи не представляют собой последовательного текста. О дислексии Витгенштейна стоит посмотреть работу [Хинтика 2013].

ответствует сознательному стремлению Витгенштейна через множество неожиданных отступлений и не сводимых в единство замечаний показать мнимый характер философских проблем. Единственное, что можно утверждать совершенно точно, что текст Витгенштейна представляет собой крайне оригинальный подход к проблеме цветовосприятия, развиваемый в рамках его теории языковых игр. Воспользуемся словами М. МакГин относительно цели Витгенштейна в «Заметках о цвете»: «Витгенштейн пытается достигнуть ясности относительно способа, которым мы действительно используем язык цвета. Ясно также, что он убеждён, что это возможно только достижением такой ясности, и что мы не сможем разрешить проблемы цвета посредством научных теорий цвета, и что загадка более глубока. Не ясно, однако, каким образом эта работа как целое соотносится с традиционным философским обсуждением, которое возникает в рамках различия между первичными и вторичными качествами» [McGinn 1991, 435]. Ответ на последний вопрос не так уж и не ясен, поскольку ответ достаточно очевиден: Никак. Витгенштейн, основываясь на своем представлении о характере философских проблем, предлагает новый подход к анализу логики цветowych понятий. Трудно, однако, в силу стиля Витгенштейна в общем виде сформулировать, в чём заключается этот подход. Можно только сказать: «Фрагментарные заметки Витгенштейна направлены на то, чтобы привести нас к ясному видению языковой игры, в которой мы описываем цвета визуального мира, отношения между этой языковой игрой и 'геометрией цвета', как она представлена на цветовом круте, и отношением того и другого к нормальному видению» [McGinn 1991, 435]. Соглашаясь с общей оценкой задачи Витгенштейна, данной М. МакГин, в данной статье мы попытаемся представить общий замысел Витгенштейна с точки зрения выделения особых групп приводимых им примеров, которые, на наш взгляд, иллюстрируют последовательность хода его рассуждений.

Отметим, что общий подход Витгенштейна основан прежде всего на том, что характер знания о цветах, содержащегося в некоторых наших утверждениях, неочевиден. Так, некоторые истинные утверждения про цвета (белый – самый светлый цвет – один из частных примеров Витгенштейна) напоминают истины *a priori*. Возникает соблазн сконструировать феноменологическую (согласно со зрительной природой цветowych понятий) теорию цвета (подобную теорию разрабатывал, например, И. В. Гёте, единственный мыслитель, к которому Витгенштейн явно обращается в заметках). Витген-

штейн признает существование определённым образом структурированных феноменов зрительного восприятия цвета. Но отказывает подобным структурам в теоретическом статусе. Данные структуры отображаются логикой цветовых понятий (под цветовыми понятиями вместе с Витгенштейном мы подразумеваем понятия зрительного восприятия), но унифицированность и общность такой логики имеют место только в ограниченном контексте. Реальная практика употребления цветовых понятий (в рамках разнообразных языковых игр) не поддается единообразному обобщению.

Первый раздел «Заметок о цвете» открывается описанием решающего для дальнейшего текста различия между двумя языковыми играми:

Языковая игра: Доложи о том, является ли некое определённое тело более или менее светлым в сравнении с другим. – А теперь еще одна подходящая: Выскажись об отношении между яркостью определенных оттенков цвета. (Сравни со следующим: Определи отношение между длинами двух стержней и отношение между двумя числами.) – Форма предложений в обеих языковых играх одинакова: «X светлее, чем Y». Но в первой игре отношение – внешнее, а предложение соотносится со временем, во второй же, отношение – внутреннее, а предложение – вневременное. [Wittgenstein 1997, I, 1]².

В обеих языковых играх сообщается нечто об относительной светлоте цвета. Отметим, что речь идёт не о яркости, здесь подразумевается именно светлота – одна из субъективных характеристик цвета. Белый цвет обычно характеризуют как самый светлый из цветов, а не как самый яркий. Временной характер первой языковой игры указывает на эмпирический статус утверждений о светлоте цвета некоторого тела. Сейчас – например, при определенном освещении – предмет видится нам светлым. А спустя какое-то время покажется, возможно, чуть более темным. Аналогично – с длиной двух деревянных палочек, в какой-то момент можно ошибочно решить, что, например, первая палочка длиннее. Во втором случае имеет смысл говорить об объективном установлении отношения между длинами. Однако аналогия касается только необходимости на опыте сравнить одно с другим. Вторая языковая игра не зависит от опыта и не связана со временем. Белый цвет всегда остается самым светлым цветом. 3 всегда меньше 5. Так взаимно определены

² Согласно сложившейся традиции цитирование текстов Витгенштейна, здесь и далее будут указываться не страницы источника. При цитировании «Заметок о цвете» римская цифра указывает на раздел, а арабская на номер афоризма.

числа. Так взаимно определены цвета. Понятием, например, белого подразумевается, что белый – это самый светлый цвет.

Здесь Витгенштейн вводит ключевое различие между внутренними и внешними отношениями. Внутреннее отношение – это отношение, которое не может не поддерживаться (и потому оно не связано со временем). Например: прозрачная вода никогда не может быть белого цвета (подробнее см. [Wittgenstein 1997, I, 17–29]). Поэтому отношение между «прозрачностью» и «белым цветом» – внутреннее отношение. Но при всём различии между названными языковыми играми есть и определенное родство. Ведь предложения часто употребляются на границе между логикой и эмпирикой [Wittgenstein 1997, III, 19].

Обратимся к примерам. В первом приближении вневременная языковая игра представляется безальтернативной в сравнении с реальной практикой употребления разных цветов. Пусть поставлена задача: на опыте – через смешивание красок – получить определенный цвет. Не любая подобная задача будет осмысленной. При требовании получить красновато-зелёный (не коричневый) или синевато-желтый (не зелёный) цвет возникнет определенного рода «логическая» невозможность. Нет отдельного красновато-зелёного цвета. Такая невозможность говорит нечто о логике цветовых понятий.

Основные цвета – красный, желтый и синий (с их помощью путем смешивания можно получить остальные цвета). Витгенштейн относит к основным цветам и зелёный [Wittgenstein 1997, III, 26]. Оранжевый и фиолетовый – дополнительные (их можно назвать средними). Оранжевый может быть более желтоватым или красноватым, как и смесь красного и синего – более красноватой или синеватой. В общем случае смешивание красного и синего дает фиолетовый (преимущественно синий цвет + красный) – но могут получаться и другие промежуточные цвета: пурпурный (преимущественно красный цвет + синий), лиловый (розовый + синий), сиреневый (розовый + голубой), сиреневый цвет можно назвать и красно-бело-синим [Wittgenstein 1997, I, 72]. Но в сравнении с оранжевым или фиолетовым невозможно видеть зелёный как сочетание синего и желтого. Витгенштейн подчеркивает логическую важность следующего: при назывании зеленого цвета средним цветом между синим и желтым должно быть возможным определить «несколько синевато-жёлтый» [Wittgenstein 1997, III, 27]. Такое выражение для нас не имеет смысла. И также вместо «оранжевого цвета» можно было бы употреблять «красновато-желтый» (подразумевая

отдельный оттенок оранжевого с большим содержанием желтого), но опять же говорить про отдельный желтовато-синий цвет (в сравнении с «обычным» зелёным тут было бы больше синего цвета) смысла нет. Еще пример. Оранжевый и фиолетовый можно условно назвать переходными цветами, а, скажем, коричневый – непереходным. Представим человека, который выделяет отдельно красновато-зеленый цвет. Такой человек предположительно способен предъявить непрерывную последовательность от красного цвета к зеленому, и там, где мы всегда видим один коричневый, он должен видеть постепенный переход от коричневого к некоторому отдельному красновато-зеленому цвету [Wittgenstein 1997, I, 11; III, 163].

Такую способность зрения нам представить трудно. Однако данный мысленный эксперимент показывает, что наши цветовые понятия не абсолютны. Витгенштейн допускает до некоторой степени различные цветовые понятия для разных людей [Wittgenstein 1997, III, 32]. Можно выделить отдельные группы примеров. 1. Нарушение в восприятии цветов и неправильное употребление цветовых понятий. 2. Наличие странных, но допустимых исключений в нашей системе цветовых понятий (не обусловленных нарушением зрительного восприятия). 3. Несводимость разнообразных языковых игр к единой системе цветов.

Остановимся на каждой группе примеров подробнее:

1. Нарушение в восприятии цветов и неправильное употребление цветовых понятий.

При дальтонизме «наблюдаются» нарушения восприятия красного и зеленого или синего и желтого участков спектра. Очень редко встречается ахроматоПСия – полная цветовая слепота (также бывает разной – например, цвета будут для человека с полной цветовой слепотой представляться оттенками серого и различаться только по светлости). При дальтонизме противопоставление красного и зелёного или синего и желтого цветов может не иметь смысла. И требование получить отдельный красновато-зелёный (не коричневый) цвет при дальтонизме может оказаться непонятным и восприниматься как абсурдное. Но и при нарушении восприятия дальтоник способен поддерживать языковые игры по описанию цветов и оттенков. Можно ведь прожить жизнь и не заметить собственного дальтонизма [Wittgenstein 1997, III, 31].

Цветовые понятия в рамках языковых игр обладают определенной (но не абсолютной) жёсткостью. Дальтоник не может сконструировать полностью независимую индивидуальную языковую игру

с собственными цветовыми понятиями. Дальтоник просто употребляет наши понятия цвета неправильно. И дальтоника нельзя научить правильному словоупотреблению. Как нельзя слепому объяснить видение чего-то как красного [Wittgenstein 1997, I, 81]. Никакое «внешнее» описание феномена не устранил незнания слепого. Так и я могу наблюдать и изучать дальтонизм – но не видеть глазами дальтоника [Wittgenstein 1997, I, 82]. Переходу от нормального зрения к дальтонизму или к полной слепоте сопутствует частичное или полное выпадение (вплоть до полного непонимания) из соответствующих языковых игр повседневности.

Остается открытым вопрос: насколько человек с нормальным восприятием цветов может иметь отличные от наших цветовые понятия. И это – всё тот же вопрос о жесткости цветовых понятий, вопрос о границах релятивизации цветовых понятий относительно языковых игр.

2. Наличие странных допустимых исключений из нашей системы цветовых понятий (без нарушения зрительного восприятия).

Человек научается использовать выражение «...оватый». Его просят показать, скажем, красновато-желтый. Он научается распознавать цвета с большим или меньшим содержанием красного. Но если попросить затем указать на красновато-зеленый – человек растеряется и не сможет понять просьбу [Wittgenstein 1997, III, 30]. Такое продолжение последовательности цветов красных оттенков едва ли возможно [Wittgenstein 1997, III, 38]. Или пример сходного рода из другой работы Витгенштейна: «Мы вписали в круг пятиугольник, потом – вписали квадрат, потом – треугольник. Теперь говорим: «Продолжай и впиши в круг двуугольник» [Wittgenstein 1976]. Человек может нарисовать диаметр. Или – указать на оливковый цвет. И мы способны понять такое указание или действие. Но, скорее всего, мы в таком случае скажем: Подобное продолжение последовательности вписанных в окружность многоугольников не принимается (оно сделало бы нашу геометрию неудобной). Или: оливковый цвет можно назвать красновато-зелёным – однако не в том же смысле что и розовый цвет называют иногда красновато-белым. Однако определенная осмысленность в назывании оливкового цвета красновато-зелёным указывает на следующее: невозможность представить отдельный красновато-зеленый цвет принадлежит принятой «геометрии» или «математике» цвета и отражает логику наших цветовых понятий. Логика цветовых понятий изначально связана с соответствующими «эмпирическими» языковыми

играми – и только потом стала относительно независимой (отдельной языковой игрой по правилам строгой системы цветов). Поэтому можно отдельно воспроизводить языковую игру в одни лишь понятия – как в случае с обозначением отношения между светлотой отдельных цветов или оттенков. И поэтому возможно представить или предположить существование осмысленных и «нерелевантных» языковых игр.

Витгенштейн показывает, насколько (не)обязательны (и нетождественны) цветовые понятия внутри разнообразных языковых игр. Художник может не иметь вовсе никакого представления о чистых цветах [Wittgenstein 1997, III, 28]. Пусть некоторые люди не могут понять оранжевый цвет как красновато-желтый. Выражение «красновато-желтый» имеет для них смысл только в порядке указания на определенное место при переходе от красного цвета к желтому. Здесь и «красновато-зеленый» не будет проблемой. Однако подобно людям с ограниченным слухом такие люди не научатся смешению цветов и использованию понятия «красноватый» [Wittgenstein 1997, III, 129]. Витгенштейн говорит:

Будет ли верным сказать, что наши понятия отражают нашу жизнь... Они – в её центре [Wittgenstein 1997, III, 302].

Понятия одновременно и определяют порядок соответствующих языковых игр (чаще всего связанный с опытом восприятия цвета во времени), и выносятся за пределы эмпирического описания. Насыщенный или «чистый» цвет X всегда – по определению – светлее насыщенного цвета Y – именно так и формируется «логическое» понятие «насыщенности» цвета [Wittgenstein 1997, III, 13]. Белый самый светлый цвет. Но в рамках некоторой языковой игры белый может не быть самым светлым. Белые страницы книги расположены на картине под тенью какого-то предмета – тогда белый – не самый светлый цвет [Wittgenstein 1997, III, 57]. Снова требуется различать между языковыми играми. Цветовые понятия употребляются на границе между «логикой» и опытом. Но определяются они внутри условно независимой от опыта системы цветов. Невозможно, например, знать чистый красный цвет сам по себе – как невозможно точно по памяти воспроизвести цвет какого-то предмета. Но на цветовом круге имеется соответствующая точка. Которую нам нетрудно найти [Wittgenstein 1997, III, 7]. Или: «Нечто является “серым” или “белым” только в определенных границах» [Wittgenstein 1997, III, 200]. Игра в поиск «внутренних отношений»

цветовых понятий – просто другая языковая игра (она необязательно предполагает обращение к цветовому кругу или к плоским непрозрачным образцам цвета) в сравнении с соответствующими повседневными языковыми играми.

3. Несводимость языковых игр к единой системе цветов (и проблема тождества).

Цвет золота отличается от желтого цвета. «Цвет золота – это свойство блестящей светящейся поверхности» [Wittgenstein 1997, I, 33]. Некоторые цвета мы не называем блестящими или теплыми. Не бывает теплого серого цвета. Не бывает и серого или черного блеска [Wittgenstein 1997, III, 22]. Блестящий серый мы назовем скорее серо-серебристым или даже серебряным. Блестящий блик серого металлического ведра, скорее всего, мы назовем белым. Но – хотя не существует черного блеска – бывает блестящий черный [Wittgenstein 1997, III, 152]. Любой блеск – можно сказать – это свойство некоторой светящейся окрашенной поверхности. Блеск (в отличие от теплоты) ведь не является непосредственной характеристикой цвета в нашей системе цветов.

Слова, обозначающие цвета или характеристики цветов, взаимосвязаны через употребление – но возможны и разные отклонения [Wittgenstein 1997, III, 75]. «Отклонения» не обязательно отражают нарушения восприятия (цветовые понятия Витгенштейн рассматривает как понятия зрительного восприятия) или существование странной и неудобной языковой игры (когда, например, красновато-зеленым цветом называется оливковый). Восприятие художником цвета может отличаться от нашего. Есть разные художественные приёмы. Так имеется своеобразный прием для изображения яркого блика посредством цвета [Wittgenstein 1997, III, 77]. Так (пример Витгенштейна), Рембрандт рисует золотой шлем желтой краской («Мужчина в золотом шлеме»). Наиболее светлая часть шлема выглядит светящейся золотой. Едва ли кто назовет шлем желтым. Или (наш пример) на картине Куинджи «Лунная ночь на Днепре» нет светящихся цветов. Желтая Луна как бы сама светится. Нелепо говорить, будто художник имеет собственные цветовые понятия. Просто художник не обязательно должен соотносываться с «логикой» цвета. Логика цвета не является всецело унифицированной.

Не существует единого перечня внутренних отношений между прозрачностью и непрозрачностью, яркостью и светлостью цветов и т. д. Именно эту пеструю картину цветов и цветовых понятий легко ошибочно принять за определенную техническую трудность на

пути создания общей теории или феноменологии цвета. Как утверждает Витгенштейн:

Трудности, на которые мы наталкиваемся, когда размышляем над природой цвета [...], содержатся в том факте, что у нас не одно, а несколько связанных между собой понятий тождественности цветов [Wittgenstein 1997, III, 251].

Подразумевается следующее: Пусть имеется предмет золотого цвета – мы тогда можем подобрать соответствующий цветовой образец. На картине предмет золотого цвета возможно изобразить желтым (цвет изображенного предмета будет опознан как тот же самый золотой цвет). Вот очевидный пример разных понятий тождественности цвета. Среди множества способов передачи того же самого цвета нет единственно правильного (как, в принципе, нет общего критерия тождественности цветов). Жёсткость цветовых понятий – о существовании которых можно осмысленно говорить (так, например, понятия чистого цвета для Витгенштейна не существует [Wittgenstein 1997, III, 73]). Это – жесткость относительно некоторой языковой игры. Как, например, белый – с необходимостью самый светлый цвет только при рассмотрении плоских непрозрачных цветовых образцов.

В каждой приведенной группе примеров есть отдельные важные наблюдения и выводы. Но всегда сохраняется рамочная роль различия языковых игр – понятийной (логика цвета) вневременной языковой игры и другой языковой игры – фактически связанной с восприятием и опытом. При чтении «Заметок о цвете» во многих случаях приходится угадывать «проблему» соответствующего параграфа. Вот неполный список таких проблем: 1. Разные особенности восприятия цвета разными людьми. 2. Зависимость/независимость языковых игр от особенностей цветового восприятия. 3. Внутренние и внешние отношения (логические отношения между понятиями и суждения о цветах предметов на опыте). 4. Опознание (понятие) цвета как тождественного. 5. Связь между логикой цвета и повседневными языковыми играми. Витгенштейн заново решает задачу обнаружения в наших повседневных языковых играх (которые изначально содержат цветовые понятия зрительного восприятия) «общую» логику цветовых понятий и показывает: такой общей логики нет. Языковые игры богаче известных отношений между цветами внутри цветового круга (нашей условно единой цветовой системы).

Стоит отдельно сказать несколько слов по «проблеме» значения цветовых понятий. «Практика наделяет слова значением»

[Wittgenstein 1997, III, 317]. Под практикой подразумевается употребление понятий в рамках определенной языковой игры при соответствующем фактическом обращении к нормам (к нашей системе цветов) или при описании, например, живописи. Сюда же относится практика обучения. Наша способность объяснить/передать значение слов «красный» или «синий» и т. д. исчерпывается указанием на предметы соответствующих цветов [Wittgenstein 1997, I, 68; III, 102]. Так и понимание значения слова или предложения исчерпывается способностью адекватно употребить слово или предложение в контексте языковой игры. Неспособность участвовать в определенной языковой игре – единственный критерий незнания значения соответствующих понятий [Wittgenstein 1997, III, 115]. Способность участвовать в языковых играх подразумевает также отсутствие нарушений зрительного восприятия и принадлежность к нашей форме жизни. Поэтому для передачи значения слова недостаточно описания правил словоупотребления. Ведь научить нашему словоупотреблению дальтоника отчасти возможно. Но одна только языковая игра без подкрепления соответствующим видением цветов приведет рано или поздно к ошибке (просто невозможно «внешним» образом изложить и запомнить множество правил и внутренних отношений). Но – всё равно – единственный критерий значения (и знания значения) – это правильное употребление понятий. И дальтоник просто не научится правильному словоупотреблению.

Мы описываем только ситуации неправильного употребления понятий. Зрительное восприятие при дальтонизме как таковое мы не описываем [Wittgenstein 1997, III, 165]. Можно, конечно, предложить описание некоторой странной практики словоупотребления, но научить такой практике (как научить неправильному зрению) нельзя. И хотя значение наших предложений о цвете и значение наших цветовых понятий может отображать нормы или опыт отдельно – нормы формируются только на основании опыта зрительного восприятия. Возьмем пример Витгенштейна. Пусть люди привыкли видеть только зелёные квадраты и красные круги. Тогда они с недоверием воспримут зелёный круг и, вероятно, даже не смогут сказать, что круг действительно зелёный. Или такие люди будут использовать отдельные понятия для красного квадрата и красного круга (они не воспринимали бы цвет отдельно от формы) [Wittgenstein 1997, III, 155]. Мы легко могли бы описать их «странное» употребление цветовых понятий – но не могли бы научиться значению соответствующих слов. Так и возможность научиться недоступной другим людям языковой игре указывает на определенный

дальтонизм [Wittgenstein 1997, III, 112]. Отсюда вытекает тезис Витгенштейна: Описание зрительных феноменов (как и описание отклоняющихся языковых практик в употреблении цветовых понятий) само не научает значению соответствующих понятий. В этом смысле наша возможная теория цвета не содержала бы для людей – если они, положим, не воспринимают цвета отдельно от формы – никакого знания. Пусть психология описывает феномен зрения. Однако остаётся неясным, какое незнание такое описание способно устранить [Wittgenstein 1997, III, 168]. Можно сделать вывод: способность научиться значению цветовых понятий – и одновременно способность воспринять систему цветов – зависит от общей нам формы жизни и от общности наших языковых игр.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бибихин 2005 – *Бибихин В. В.* Витгенштейн: смена аспекта. Москва. 2005.
- Витгенштейн 2008 – *Витгенштейн Л.* Голубая и коричневая книги (перевод В. А. Суровцева и В. В. Иткина). Новосибирск: Сибирское университетское издательство. 2008.
- Витгенштейн 1994 – *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I (перевод М. С. Козловой и Ю. А. Асеева). Москва. 1994. С. 75–319.
- Месяц 2012 – *Месяц С. В.* Иоганн Вольфганг Гёте и его учение о цвете. Москва. 2012.
- Ньютон 1954 – *Ньютон И.* Оптика, или Трактат об отражениях, преломлениях, света. Москва. 1954.
- Хинтиikka 2013 – *Хинтиikka Я.* О Витгенштейне. Москва. 2013.
- Finlay 2007 – *Finlay R.* Weaving the Rainbow: Visions of Color in World History // *Journal of World History*. 2007. Vol. 18. № 4. P. 383–431.
- McGinn 1991 – *McGinn M.* Wittgenstein's Remarks on Colour // *Philosophy*. 1991. Vol. 66. № 258. P. 435–453.
- Wittgenstein 1997 – *Wittgenstein L.* Remarks on Colour / ed. by G. E. M. Anscombe. Oxford. 1997.
- Wittgenstein 1976 – *Wittgenstein's Lectures on the Foundations of Mathematics (from the Notes of R. G. Bosanquet, Norman Malcolm, Rush Rhees and Yorick Smythies)* / edited by Cora Diamond. Cambridge. 1976.

Материал поступил в редакцию 03.07.2018